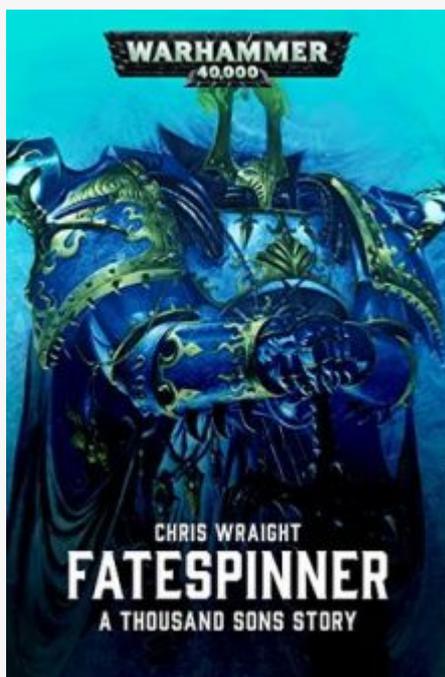

Прядильщик Судеб / Fatespinner (рассказ)

WARPFROG

Гильдия Переводчиков Warhammer

Прядильщик Судеб / Fatespinner
(рассказ)

Автор	Крис Райт / Chris Wright
Переводчик	Str0chan
Издательство	Black Library
Входит в сборник	Честь Космического Десанта / Honour of the Space Marines
Год издания	2014
Подписаться на обновления	Telegram-канал
Обсудить	Telegram-чат
Скачать	EPUB , FB2 , MOBI
Поддержать проект	

Вчетвером они уверенно шагали по туннелям подулья. Двое безмолвных воинов Рубрики, сапфирные доспехи-оболочки которых тихо мерцали во тьме, прикрывали по бокам облаченного в позолоченную броню Рамона, лорда-чернокнижника Тысячи Сынов. Его ученик, Фэлиас, замыкавший небольшой отряд, не отводил глаз от повелителя. Походка Рамона казалась младшему чернокнижнику странно плавной для бронированного гиганта. Она выглядела почти человеческой.

Но, разумеется, ни тот, ни другой не были людьми. Их «человечность», эта базовая форма, давным-давно исчезла, вытесненная физическими усовершенствованиями и психическими способностями. Вычурная силовая броня воинов, покрытая резным орнаментом, оккультными знаками и эзотерическими символами, предупреждала об опасности, исходящей от них, заставляя вспомнить ядовитых созданий, которые отпугивают врагов яркими узорами на коже.

— Уже близко, — произнес Фэлиас.

К тому времени они уже спустились на три километра под землю, углубившись в туннели под основанием улья Гарганциас Магнифисенс, главного административного центра Риго-5. Далеко вверху теснились, размножались и просто существовали миллионы граждан Империиума, с рождения наученные высматривать угрозы, несомые ксеносами, ведьмаками и предателями. Будучи воином безвозвратно расколотого легиона Магнуса, Фэлиас удобно устроился сразу на двух стульях из трёх, и прямо сейчас он остро ощущал скопления объятых безмолвным страхом душ, скованных обрядами неведения и повседневно внушаемого им ужаса.

Рамон склонил голову в шлеме, увенчанном гребнем в форме змеи.

— Что ты чувствуешь?

Фэлиас помедлил. Вокруг него сочились влагой стены промозглых, заброшенных и постепенно разрушающихся туннелей. Ни один смертный не ступал по ним уже несколько веков. Как и великое множество иных творений этой огромной, но распадающейся империи, подулье оказалось покинутым и забытым, словно выброшенный на берег приливом ствол дерева, которому уже не суждено вернуться в океанские волны.

Возможно, это случилось не просто так. Возможно, древние кошмарные воспоминания удерживали людей от странствий в тёмных глубинах под отравленными землями своих миров.

— Оно знает, что мы здесь, — осторожно ответил Фэлиас. — И уже шевелится, оживая.

— И о чём это говорит тебе?

— Что его пробуждение услышат не только наши уши, и что мы окажемся в опасности.

Лорд-чернокнижник кивнул ученику и вновь зашагал по туннелю. Украшенное драгоценностями навершие посоха Рамона покачивалось во тьме.

— Мы всегда в опасности, — бросил он.

Фэлиас поспешил за учителем, и рубрикиаты вновь пошли в ногу со своими повелителями, с пугающей точностью повторяя их шаги.

— Если мне позволено спросить, — произнес ученик, догадываясь, какой ответ получит, но всё равно решаясь попытать судьбу, — что нас ожидает?

Рамон не был ни жестоким, ни деспотичным господином. Напротив, он честно и умело обучал Фэлиаса, щедро делясь все более и более утончёнными познаниями в искусствах Изменяющего Пути, помогая ученику в подъеме по крутым ступеням к вершине познания. При этом, разумеется, лорд-чернокнижник не открывался перед младшим собратом, охраняя личные тайны так же строго, как и все прочие маги Пятнадцатого Легиона, разбросанные по Галактике. На протяжении тысячелетий они превратились в кабал скопидомов и похитителей драгоценных кусочков знаний, запасавшихся секретами в неугасающей

надежде на возрождение и новый расцвет Тысячи Сынов.

— Вскоре это прояснится, — ответил Рамон, продолжая идти. — А пока, пожалуйста, просто следуй за мной.

Синевато-серый десантный корабль опустился на посадочную платформу, словно лоскут грозового облака, вырезанный из небесной выси. В момент касания с шипением растворились двери пассажирского отсека, за которыми стояли пять освещённых со спины воинов. С важным, почти самодовольным видом они сошли по рампе, великаны, облаченные в доспехи типа VI. Украшения на силовой броне отражали различные аспекты ледяного родного мира космодесантников, печально известного враждебностью к человеческой жизни.

Вслед за своими воинами сошел на платформу Торскир Хельстуйрм, и окованное железом основание его посоха лязгнуло о скалобетон. Доспех Торскира, такой же серый, как у остальных, покрывали вырезанные в керамите руны с чёрной каймой, а над непокрытой головой возвышался мерцающий пси-капюшон. Из-под него смотрело кирпично-красное, обветренное лицо воина, обладающего, как и все сыны Русса, янтарными глазами и тяжелой челюстью.

Его ждали представители руководства Гарганциаса Магнифисенс, несколько десятков писцов в бархатных одеждах, сотня почетных стражей из личной свиты губернатора и три шагохода «Часовой», стоявших у края платформы с почтительно опущенными орудиями. Из воздуходувов, установленных на стенах шпиля, перед появлением воинов подавался благовонный дым, но его уже разогнали буйные ветра Риго-5.

Один из встречающих, высокий человек в тяжелых багровых одеяниях, низко поклонился. Ветер развеивал полы его мантии.

— Добро пожаловать на Риго. Я - губернатор Алексиан, — представился он.

Торскир холодно взглянул на него.

— На твой мир проникла порча.

— Так говорится в вашем сообщении, но...

— Он оставил за собой след разрушений, протянувшийся по девяти системам. Он разлагал и он уничтожал. А теперь он здесь, в твоём городе, а ты бездействуешь.

Алексиан нервно сглотнул.

— Получив ваше предупреждение, мы удвоили патрули. Даже утроили, но... ничего не нашли.

На это Торскир никак не ответил, лишь его взгляд остекленел на несколько секунд, пока воин обращался к внутреннему оку в глубинах разума. Окружавшая жреца стая Космических Волков замерла, и ветер, воющий над посадочной платформой, стучал по керамиту рунными тотемами, висящими на броне десантников.

Затем Торскир шевельнулся, и взгляд его золотых глаз вновь обрел сосредоточенность.

— Внизу, — произнес он. — Корни твоего шпиля уходят глубоко.

Алексиан беспокойно оглянулся на свою свиту.

— Это... запретные зоны.

— Не для меня, — ответил Космический Волк. — И не для него.

— Возможно, вы все же выслушаете меня? — губернатор выглядел так, словно вот-вот сорвется. — Не ходите туда.

На лице Торскира отчетливо проступило презрение.

— Если тебе не хватило духу вынюхать врага и пройти по его следам, даже не думай меня останавливать.

Жестом скомандовав остальной стае следовать за ним, рунный жрец зашагал вперед. Идя по платформе, он обратился к воинам по защищенному вокс-каналу.

— Рамон здесь, братья, — произнес Торскир, обрамляя в слова то, что поведали ему способности псайкера. — Бегите быстро, неситесь со всех ног. Сегодня мы добудем его голову.

— Открыть дверь, — приказал Рамон.

Перед ними возвышались железные врата, усиленные арматурными стержнями, поверх которых располагались многочисленные фиксирующие зажимы из адамантия. Арку дверного прохода, высеченную в толще гранита, покрывали охранные руны *горфелиона* - древнего шрифта, неизвестного никому из смертных обитателей планеты. Подземелье, у входа в которое стоял отряд, создали задолго до постройки городов-ульев, и, возможно, не руки людей возвели его. Глубочайшая древность сочлась из камня, иссушая жизненную силу вокруг чернокнижников, усмиряя ритм Изменений, словно вода, выплеснутая в пламя костра.

Но, несмотря на это, с той стороны врат изливалась физически ощутимая сила, вытекающая наружу, будто кровь из раны. Пока отряд подходил к дверям, воздух вокруг словно сгущался, а звуки дыхания и характерное гудение силовой брони с каждым шагом становились тише.

Один из рубрикатов обхватил массивный железный стержень и потянул на себя. Балка подалась со скрежетом терзаемого металла и оторвалась от двери. Второй безмолвный десантник точно так же разделался со следующим стержнем, а затем оба рубrikата принялись крушить врата. Как всегда, не издавая ни звука, они отгибали и выдирали железные пластины, отбрасывая вырванные куски ударами ног, до тех пор, пока окончательно не расправились с преградой.

Рамон и Фэлиас вошли внутрь помещения вслед за рубrikатами. Из ниоткуда заструился грязно-красный свет, растекаясь по комнате, словно разворачивающийся свиток пергамента.

Помещение оказалось небольшим, едва ли пять метров в диаметре. Скалобетонные стены и мраморный пол скрывались под слоем пыли в палец толщиной. В центре комнаты располагался высеченный из простого камня алтарь, покрытый уже знакомыми охранными рунами неясного происхождения. За жертвенником, в дальней стене, располагался низкий арочный проход, заложенный чем-то вроде грубых гранитных брусков. Чья-то могучая рука высекла в камне единственную защитную руну, глубокие линии которой проходили через швы кладки.

Подойдя к арке, Фэлиас в полной мере ощутил присутствие создания, яростно извивающегося за

гранитной преградой. Там скрывался бодрствующий, бесконечно злобный разум, царапающий тесные стены темницы. Доведенный до бешенства ненавистным заключением, он, без всяких сомнений, оставался могущественным. На мгновение младший чернокнижник открыл существу за стеной свое сознание и тут же задохнулся, хватая ртом воздух.

— Осторожнее, — улыбнулся Рамон. — Решил, что уже достаточно силен для такого?

Его ученик потряс головой, очищая мысли.

— Оно... *ужасно*, — прошептал Фэлиас, приведенный в трепет грандиозностью заточенного существа. — Как удалось сковать такое создание? Мы выпустим его?

Ничего не ответив, лорд-чернокнижник подошел к алтарю и склонился над высеченными в камне охранными рунами. Медленными движениями, скованными необходимостью точно следовать ритуалу, Рамон начал уничтожать символы.

Руны поддавались не сразу, какое-то время ярко пылая, словно расплавленное железо, и сопротивляясь чарам шепчущего воина. С разрушением каждого из охранных заклятий очертания комнаты содрогались, как будто освобождаясь на мгновение из плена измерений, и присутствие разума за стеной, оказавшегося в пустынном краю между реальностью и бредом, становилось все более ощутимым. На руках Фэлиаса встали дыбом волосы – он слышал, как создание, дыша, словно загнанный зверь, дергается в оковах, ощущал, как бьется его призрачное сердце.

Вскоре осталась лишь одна охранная руна, вырезанная в гранитной кладке под аркой. Ученик, не отрываясь, смотрел, как Рамон подходит к преграде и кладет на неё ладони в латных перчатках. Последний защитный символ ярко засветился, как и все предыдущие, заставляя Фэлиаса приготовиться. Обратившись к знаниям, почерпнутым из темных бестиариев в сумрачных библиотеках Ока, он размышлял, какое именно создание заключено по ту сторону прохода. Насколько мог предположить младший чернокнижник, за стеной скрывался поглотитель разумов и пожиратель душ, захватчик тел, облачающийся в плоть своих жертв. Зная, что не должен сомневаться, что обязан довериться сплетениям судеб, Фэлиас спрашивал себя – не опрометчиво ли поступает Рамон, освобождая существо столь могучее?

И тут, в последний момент, когда руна уже начинала разрушаться, лорд-чернокнижник отстранился. Запустив руку в кисет, висящий на поясе, Рамон извлек хрупкую вещицу, золотой амулет в форме слезы. Прижав талисман к граниту, учитель Фэлиаса восстановил охранное заклятие. Амулет кратко блеснул, словно подсвеченный изнутри, заискрился и утонул в каменной кладке, упокоившись между линий защитной руны, словно находился там с сотворения мира.

Склонившись к стене и едва не касаясь губами гранита, Рамон прошептал внутрь одно-единственное слово.

Затем, выпрямившись, он повернулся к Фэлиасу.

— Знаешь, что последует за этим, верно? — спросил учитель.

Ученик не ответил, но от слов Рамона кровь заледенела у него в жилах. Казалось, что к ним приближается нечто иное, ужасное и гневное, нечто столь дикое, что ни один смертный не в силах даже вообразить подобное.

Задолго до того, как стая оказалась возле подземного укрытия, Торскир ощутил нарастание уровня пси-энергии. Окруженный боевыми братьями, он со всех ног неся по катакомбам, расплескивая сточные воды и размахивая посохом, словно топором с длинной рукоятью. Не теряя психического следа, жрец готовил свой разум к грядущему испытанию.

Торскиру казалось, что он охотился за Рамоном всю жизнь. Хель, он словно *знал* Рамона всю жизнь, хотя они ни разу не сходились в бою, и все, что жрецу было известно о враге, он позаимствовал из мучительных воспоминаний жертв колдуна – проклятых, соvrащенных и мертвых. Лорд-чернокнижник все время оставался чуть впереди, вновь и вновь издевательски подманивая Торскира поближе и тут же ускользая, не собираясь сражаться с Космическим Волком. Так повторялось на сотне разрушенных миров.

Но здесь всё закончится. Колдун наконец-то совершил ошибку, позволил разгадать принцип своих перемещений от одной системы к другой. Бросая гадальные кости, Торскир проник в замыслы врага через превратности варпа и сумел настичь его. Этот мир, Риго-5, выплыл тогда из мутной тьмы – страж погребенного ужаса, цели, перед искусом которой не сможет устоять ни один из сынов Просперо. Рунный жрец ухватился за открывшуюся возможность, и его корабль пронзил бездну пылающей стрелой. Постоянно требуя увеличить скорость, Торскир почти довел навигатора до безумия, но они и так проделали путь между мирами с непривычной легкостью. Это лишь убедило Космического Волка в том, что ему суждено оказаться на Риго-5, схватить чернокнижника и силой привлечь его к суду.

Но, хотя вселенной и правила мощь, в ней также имелось место для удачи. Похоже, она наконец-то повернулась лицом к Торскиру.

Завернув за угол, рунный жрец оказался в длинном туннеле, на стенах которого лежал густой слой пыли, а под ногами хлюпала зловонная жижа, глубиной по лодыжку. По низкому потолку, усеянному пятнами ржавчины и гнили, проходили пучки старых кабелей. В дальнем конце туннеля космодесантник увидел разбитую дверь, из-за которой струился грязно-красный свет.

+*За Русса!*+ отправил Торскир боевым братьям, чувствуя, как остро отточенная радость скорого убийства все сильнее сжимает глотку.

А потом он вломился внутрь, снося своим громадным, облаченным в доспех телом развороченные остатки старой двери. Металлические обломки разлетелись по полу, а стая уже врвалась в комнату вслед за жрецом, воины быстро приседали в позиции для стрельбы и водили из стороны в сторону стволами болтеров.

Но помещение оказалось пустым. Приподняв посох в руке, Торскир озарил узкую комнатку хлынувшим из него светом.

Впереди обнаружился разбитый алтарь, а за ним – проход под аркой, закрытый нетронутыми брусками гранита и высеченной на кладке руной-стражем.

Торскир выругался. Никогда прежде внутренний голос не лгал ему, жрец *видел* Рамона в этой комнате, *чувствовал* его здесь. Воины стаи выпрямились, раздосадованные, но остающиеся настороже.

Сняв с посоха птичий череп, один из своих талисманов, Торскир прижал его к запыленной стене и прислушался.

Знаешь, что последует за этим, верно?

Шипение сложилось в слова, отпечаток последней фразы, произнесенной здесь. Рунный жрец, внимательно смотревший в пустые глазницы черепа, проследил, как изменился мерцающий в них свет.

— Двенадцать лет, — пробормотал Торскир, чувствуя, как всё внутри него вскипает от болезненно сильной досады. — Он был здесь *двенадцать лет назад*.

Васик, второй после него воин в отряде, сменил боевую стойку на более расслабленную.

— Раз так, что прикажешь?

Глубоко вздохнув, Торскир вернул череп-талисман на место и осмотрел арку. За стеной ощущалось присутствие создания, которое, вне всяких сомнений, привлекло сюда Рамона и самого рунного жреца. Ужасающе злобное существо удерживалось взаперти лишь тончайшими из оков.

Но почему колдун не разрушил охранное заклятие? Почему не закончил то, что начал?

— То, что осталось здесь - не наша забота, — устало объявил Торскир. — Отправим сообщение Инквизиции, и пусть её служители очистят подземелье от погани.

— Будет исполнено, — слегка поклонился Васик.

Только после этого рунный жрец заметил амулет. Золотая слеза по-прежнему покоилась в граните под аркой, глубоко уйдя в камень, словно занимая сделанное точно под нее углубление. На вещицу успел осесть тонкий слой пыли.

Как только взгляд Торскира упал на амулет, по телу воина пробежал холодок, старое ощущение, последний раз испытанное так давно, что успело стереться из памяти. Стены вокруг жреца словно задрожали, исказились и раздвинулись. В какой-то момент он услышал приглушенный рёв бури на далеком мире, голос ненастья, эхом отражающийся от свода пещеры, с которого свисали поросшие мхом сталактиты.

— Что-то ещё? — спросил Васик, но его слова почти прошли мимо ушей Торскира. Сам не понимая, что он делает, сын Фенриса подошел к амулету и склонился над ним.

— Жрец? — теперь в голосе Васика звучало беспокойство.

Но Торскир не слушал его. Амулет выглядел таким знакомым и таким прекрасным. Потянув за цепочку, рунный жрец вытащил её из стены, восхищенно смотря на искорки, пляшущие по звеньям на ладони латной перчатки. Сама золотая слеза на мгновение застряла в углублении, словно не желая покидать гранитную кладку, но затем выскочила со щелчком.

В тот же миг прозвучал громкий треск, эхом разнесшийся по всей комнате. Линии руны-стража раскололись, и охранное заклятие утратило силу. Из ниоткуда донесся порыв холодного, как лёд, штормового ветра, поднявшего в воздух слои древней пыли.

Торскир отступил назад, видя, как разрушается гранитная стенка под аркой. Некий бесформенный комок бездны, темнее самой тьмы, выползал из обломков, просачиваясь в брешь и пузырясь, словно кипящее масло.

Внезапно к рунному жрецу вернулся рассудок. Вздрыгнув от ужаса, Торскир отбросил амулет в сторону и взмахнул посохом, длинное древко которого тут же обвили яркие разряды серебристых молний. Их чистое сияние словно бросало вызов тени, нависшей над воинами.

Комок черноты, корчась, поднимался вверх, разрастаясь, изменяясь, втаскивая себя в вещественную реальность. Опустив наверх посоха, Торскир рванул, и раскаленные потоки актинических энергий, насыщенные озоном, словно воздух после яростной грозы, устремились по древцу. Сияющее копье, вырвавшись на свободу, вонзилось прямо в сердце чернильной тьмы.

— *Изыди!* — возопил жрец, быстро произнося одно за другим фенрисиийские вюрд-проклятия. Воины его стаи открыли огонь, осыпая дальнюю стену градом разрывных болтов, и комната тут же скрылась в облаках каменной пыли.

Несмотря на бешеную ярость схватки, Торскир с болезненной четкостью понимал, что сотворил. О чем он *думал*? Почему поступил так? С усилием описав дугу наверху посоха, рунный жрец напитал его новым зарядом бури и обрушил вихрь энергии в обугленно-чёрную пасть. Торскир чувствовал, как нарастает внутри него – точно так же, как и во многих, очень многих прежних битвах – штормовая мощь вюрда, способная смести демоническую нечисть с лица этого мира.

Но ни слова силы, ни разрывные болты, ни разряды молний не действовали на врага. Раздутое тело твари продолжало расти, испуская пар и словно вливаясь в хлюпающие, изгибающиеся формы. Ротовая щель прорезалась среди потоков быстро твердеющей плоти, и одно-единственное имя соскользнуло с окутанных дымом губ.

— **Ваша.**

Услышав это, Торскир мгновенно остушился и упал на одно колено. Посох выпал из рук жреца, оба его сердца заколотились с немыслимой быстротой. Хватая ртом воздух, Космический Волк потянулся к гладию, висящему на поясе, и даже успел вытащить меч из ножен, но в этот момент на него обрушилось маслянистое цунами. Скользящая материя облепила Торскира, словно плёнка, пригибая плечи воина к земле, топя его в кипящем плену нечистот. Все чувства рунного жреца погрузились во мрак, тьма забила глотку и затмила линзы шлема. Ощущая кислотные ожоги на коже, Торскир закричал от первобытной боли. Космодесантник пытался сопротивляться, собрать остатки сил, но они покинули воина, пораженного словом, *именем*, воспоминанием.

А потом боль ушла. Яростный ветер стих, так же внезапно, как и ворвался в комнату. Комок черноты расплзся по полу мутными темными полосками, и эхо болтерных залпов умолкло.

— Жрец? — снова спросил Васик.

Вместе с остальными воинами стаи он смотрел на Торскира. Никто не двигался, космодесантники держали своего командира на прицеле болтеров. Космических Волков охватила неуверенность, внезапно возникшие сомнения удерживали их на месте. Все в комнате видели, *что* вышло из бреши под аркой и *куда* оно ушло.

То, что когда-то было Торскиром, улыбнулось. Оно почувствовало, как разрываются края смертного рта, обнажая растущие с каждым мгновением зубы. Где-то в глубине существа истошно кричал человек, прежде обладавший этим телом. Что ж, ему предстоит вопить ещё очень, очень долго.

— С сожалением сообщаю, что ваш жрец больше никому не ответит, — растягивая слова, произнес пожиратель душ, поигрывавший костяными когтями, которые на глазах вырастали из латных перчаток, пробив керамику.

Волки одновременно открыли огонь, и ни один из болтов не прошел мимо цели, но даже боль, причиняемая столь яростным и опустошительным вихрем разрывных зарядов, казалась похитителю тел

всего лишь мимолетным неудобством.

Демон-жрец широко раскинул руки, призывая новые струи маслянистой эссенции, на которых, словно лоскуты ткани на ветвях, висели рваные клочья мрака. Прорычав вызов врагам, от которого затряслось подземелье, он ощутил родовые муки крыльев, пробивающихся из плеч, копыт, раскалывающих саботоны, и новых костяных выростов, царапающих изнутри трескающийся керамит доспеха. Какое-то довольно недолгое время стены сотрясались от звуков боя, шагов сражающихся, отчаянных выпадов и ударов мечей, а также от рёва изрыгаемого демоном голодного огня.

А потом опустилась тьма. Вслед за ней наступила тишина, нарушаемая лишь долгим, приглушенным смехом.

Фэлиас шел вдоль колоннады по направлению к покоям Рамона. Над головой чернокнижника переливалось безмятежно сиреневое небо, тронутое оттенком вечерней прохлады. Впрочем, даже такая прекрасная планета, как Переталиас, настоящий мир-сад, порой подвергалась внезапным и жестоким сдвигам орбиты. Таковы были радости и угрозы существования в той области небес, которую обитатели Имперiums с восхитительно грубой точностью называли Оком Ужаса.

Сейчас Фэлиас пребывал в хорошем настроении. Его вознесение до лорда-чернокнижника прошло без затруднений, магические силы достигли неведомых прежде высот. Воин Тысячи Сынов чувствовал себя переполненным их мощью, почти раздувался от скрытого потенциала, словно все в мире – неважно, реальном или том, что открывался освобожденному разуму – теперь было ему по плечу.

Подобное ощущение пьянило, и Фэлиас, возможно, впервые в жизни осознал, почему его легион постигла столь жестокая судьба и какие опасности все ещё поджидали Тысячу Сынов.

Впрочем, сейчас он мог позволить себе небольшое удовольствие, передышку в многовековом странствии, которое чернокнижник собирался продолжать ещё, по меньшей мере, несколько столетий.

Добравшись до галереи в личных покоях своего бывшего учителя, Фэлиас обнаружил его на дальнем конце круглого помещения под стеклянным куполом. Облачённый в небесно-голубые одеяния Рамон, слегка наклонившись, стоял за старинным медным телескопом с хрустальными линзами и наблюдал за движением звезд.

Приблизившись к нему, Фэлиас обнаружил, что лазурный наряд пошит по моде Просперо, в стиле, забытом десять тысячелетий назад. Возможно, даже из оригинальной ткани, а не воссозданной копии. Точно определить не смог бы никто, кроме самого Рамона, всегда находившего способы получить желаемое.

— Значит, ты добился своего, — произнес бывший учитель, поворачиваясь к гостю, — в совершенстве овладел нашими магическими искусствами. Поздравляю.

— Своим успехом я обязан только вам, — поклонился Фэлиас, но Рамон отмахнулся от комплимента.

— Итак, куда отправишься теперь?

— Не знаю. Судьбы укажут мне путь.

— Воистину так.

Рамон отошел от телескопа, оставив его трубу направленной под углом в вечернее небо, и двое чернокнижников неторопливо направились вдоль галереи, слегка шурша мягкими туфлями по истертому временем камню.

— Вам известен текущий статус Риго-5? — поинтересовался Фэлиас, и, услышав вопрос, Рамон улыбнулся. Это заставило бывшего ученика предположить, что даже тот, кого заслуженно называли Прядильщиком Судеб, Исказителем Миров и Творцом Рока, не способен удержаться от обычной мимолетной гордости.

— Риго-5, драгоценный Риго. Да, я знаю, что с ним происходит, — мастер метнул озорной взгляд на своего протеже. — Он горит. Этот мир запылал стандартный год назад, и будет объят огнем ещё сотню лет. Когда распахивается *такая* дверь, то возникший портал весьма непросто закрыть.

Пока Рамон говорил, Фэлиас внимательно смотрел в лицо бывшего учителя, покрытое морщинами, напоминавшими паутинку трещин в известняке.

— О, Империи, конечно же, так этого не оставит. Рано или поздно они потушат пламя, но в это время мы сможем без помех заняться иными делами, — мастер сцепил руки перед собой, почти хлопнув в ладоши. — Можно назвать данный эпизод удовлетворительным со всех точек зрения.

Фэлиас вспомнил, с чего всё началось. Довольно долгое время оставалось совершенно неясным, почему они покинули подземелье, не доведя ритуал до конца, оставив последнюю охранную руну целой, а пожирателя душ — запертый в древней тюрьме у основания города-улья. Честно говоря, он испытывал сомнения. Ученику представлялось, что Рамон впал в недостойную неуверенность, устранившись опасной добычи и того, что она способна сотворить.

Но затем, двенадцать лет спустя, пришли вести о том, что произошло на Риго-5. Приятные новости, пронесшиеся по Океану Душ от башни к башне, оставившие в варпе радостный след — словно кто-то высыпал в бурные воды с борта корабля череду золотых монеток.

Так Фэлиас узнал о начале кровавого правления Торскира Несущего Муки, демона-жреца, жуткого сплава Космического Волка и ужаса, порожденного варпом. Он превратил Риго-5 в адский мир, вопящий кошмар изъеденной плоти, в пасти которого сгинут триллионы душ смертных обитателей Империи — и лишь после этого смолкнут крики страдания. Идя по запаху, захлебываясь от погони, пёс примчался, куда приманил его Рамон, и угодил в расставленную ловушку, яму, в которой ждал настоящий хищник.

— Пожиратель душ, — вспомнил Фэлиас. — Если бы мы сами открыли врата, демон мог бы поглотить нас.

— Он, несомненно, попытался бы, — кивнул Рамон.

— Тогда, если мне позволено спросить...

Мастер терпеливо ждал.

— Тот Волк, что преследовал нас, — начал бывший ученик. — Он сломал последнюю печать, ту, которую вы оставили нетронутой, и после этого не справился с вырвавшимся на свободу созданием. А ведь жрец столь же умело, как и мы, владел магическими силами. Как такое могло произойти? Как могли совпасть два столь маловероятных события? Это ведь почти невозможно, верно?

Тень удовлетворения скользнула по морщинистому лицу Рамона, намекая на мудрость прожитых лет, на

исполнение тщательно продуманных планов и медленное созревание новых. Прядильщик Судеб поправил рукав одеяния, так, что бледная ткань на миг блеснула, словно утреннее небо над Тизкой.

— А это, — ответил он, — останется моей тайной.

Дождь со снегом обрушивался с небес, каскадом спадая с неровного карниза над входом в пещеру, превращаясь в клубы водяной пыли там, где капли разбивались о камень. Беспокойная ночь, как и любая из ночей Фенриса.

Съежившись в утробе пещеры, Никья покрепче прижала к себе малыша. Ребенок родился болезненным, боги явно отмерили ему короткую жизнь, и рёв бури заставлял младенца плакать и кричать. Истомившаяся мать осталась совсем одна, все сородичи из её племени ушли на долгую охоту и должны были вернуться только через пару дней. Жалкий огонёк поблескивал в костровой яме перед Никьей, едва согревая воздух вокруг.

Внезапно кто-то отдернул полог из шкур у входа, впуская в пещеру новый порыв ледяного ветра, налитанного дождем. Женщина вскочила на ноги, её сердце бешено застучало в груди, к которой Никья по-прежнему прижимала ребенка. В руке фенрисийки мгновенно оказался нож, затупившийся от долгого использования, но все ещё способный резать плоть.

Внутри, счищая на ходу с подошв слякотную грязь, вошел грузно ступавший мужчина. Широкие плечи незнакомца скрывались под тяжелыми мехами, но Никья все равно поняла, что он очень высок и тяжел, даже крупнее Эрека, отца малыша и вожака племени. На самом деле, в какой-то момент женщина даже подумала, что именно он вернулся в пещеру, но тут отблески пламени костра осветили лицо вошедшего. Кожа незнакомца оказалась необычной – загорелой, морщинистой, а в глазах его сияло закатное небо.

Никья смотрела на него, сжимая нож в руке. Отпустив полог из шкур, вновь закрывший вход, мужчина взглянул в ответ. От вида его странного лица фенрисиюку начинало тошнить, хотя она и не понимала, почему.

— Кто ты такой? — спросила женщина, не отходя от огня.

— Я прошел долгий путь, — ответил незнакомец, по-фенрисиюски, но с тяжелым акцентом, из-за которого его голос казался одновременно усталым и осторожным. — Можно посмотреть на малыша?

Ей следовало отказать пришельцу. Но, хотя Никья не знала его, и ни одна живая душа не отправлялась в странствие, когда снаружи бесновалась буря, по какой-то неясной причине женщина не смогла воспротивиться просьбе. Нож выпал из пальцев матери, но она едва услышала звон металла о скалу. Затем, подняв ребенка повыше, Никья поднесла его к лицу незнакомца, который долго и тщательно рассматривал младенца, глядя ему прямо в глаза, словно различая за ними маленький разум, охваченный лихорадкой.

— Какое имя ты ему дала?

— Торскир, — ответила мать, испуганная поведением пришельца.

Незнакомец кивнул, словно она просто подтвердила нечто давно ему известное. Затем, запустив руку под меха, пришелец достал золотой амулет и отдал украшение Никье, которая поднесла его поближе к свету костра. Сработанный в форме слезы талисман поблескивал, медленно поворачиваясь на цепочке.

Женщина никогда не видела ничего столь прекрасного - рядом с амулетом те костяные безделушки, что дарил ей Эрек, выглядели как-то совсем неизысканно. Даже Торскир, вдруг переставший дрожать, потянулся к золоту, не отрывая глазёнок от чудесной слезы.

— Подарок, — объяснил мужчина. — Держи амулет над ребенком, каждую ночь, когда напеваешь колыбельные. Он сделает мальчика сильным - ты ведь хочешь, чтобы твой сын вырос сильным, верно? И однажды, если ты послушаешь меня, Владыки Гор обязательно придут за ним.

Вдруг испугавшись, Никья взглянула на незнакомца.

— Я не могу принять такой подарок.

— Можешь, — ответил пришелец. — И не бойся, я вернусь за амулетом - когда задует буря, пойдет дождь со снегом, и мальчик станет мужчиной. А до тех пор наслаждайся украшением.

Странный гость отвел в сторону полог из шкур, впуская внутрь новый порыв холодного завывающего ветра. Уже собираясь уходить, он вдруг помедлил.

— *Торскир* - это ведь не его имя, верно?

— Его, — возразила мать малыша.

— Но есть и ещё одно. То, которым зовешь мальчика только ты.

И снова она не нашла в себе сил сопротивляться. Каждый вопрос, каждое мягко произнесенное слово заставляли Никью открыться незнакомцу. Хотя женщина понимала, насколько неправильно поступает, и как разозлится Эрек, если проведаёт о случившемся, от одного взгляда на кружащуюся золотую слезу её губы раскрылись, словно сами собой.

— Верно, — произнесла Никья.

— Скажи мне.

Фенрисийка ощутила, как ускорилось её сердцебиение. К горлу вновь подступила рвота, а лоб покрылся каплями пота.

— В своем сердце я зову его *Ваша*.

Пробормотав эти слова, женщина внезапно испытала приступ омерзения к самой себе, словно только что выдала какой-то ужасный секрет. Пришелец со странными глазами взглянул на неё.

— *Ваша*. Хорошее имя.

— Почему ты хотел его узнать?

— Потому что имя - весьма могущественная вещь, — ответил мужчина. — Оно возвышает слабейших и принижает сильнейших. Храни его в секрете и не говори никому.

— Подожди! — теперь Никье почему-то не хотелось, чтобы незнакомец уходил. Она представила, как остается наедине с холодом, тишиной и долгим ожиданием у неверного пламени очага. — Ты не побудешь со мной?

Сухо улыбнувшись, мужчина покачал головой.

— Здесь мне оставаться опасно.

— Тогда зачем ты приходил? И... кто ты такой?

Незнакомец призадумался над ответом.

— *Инструмент*. Просто заботься о своем малыше, — морщинистое лицо гостя чуть погрузнело. — Я одарил его великой долей. Таков мой удел - изменять судьбы, управлять тем, как прошлое сплетается с будущим в тяжкое полотно эпох, словно на ткацком станке прядильщика. Поверь мне, в конце концов, когда нить, свернутая в клубок, закончится, вся Галактика услышит имя твоего сына. Скажу тебе честно, сестра - все будут произносить его со страхом.

А потом он ушел, и лишь шкуры качались у входа, да ледяной дождь, гонимый штормовыми ветрами, стучал по камням.

Никья опустила глаза, глядя на малыша. Неестественное спокойствие объяло женщину, тошнота прошла. Торскир, которого она баюкала на согнутой руке, по-прежнему зачарованно смотрел на золотой амулет.

Мать погладила мальчика по голове, убирая со лба потные волосёнки.

— Какой добрый человек, — прошептала Никья, глядя на изящное украшение и прикидывая, сколько оно может стоить. На беспокойном, переменчивом Фенресе золотая слеза была почти бесценной, так что женщине стоило хранить вещь со всей осторожностью и не показывать никому.

— Хвала Всеотцу, что не все мужики - лживые скоты, — она поцеловала сына в лоб, впервые за несколько недель чувствуя приятное тепло.

— Может, судьба и правда нам улыбнулась, — затем сказала Никья малышу, ласково покачивая его. — Ты станешь могучим владыкой воинов, как я всегда и просила в молитвах.

Огонь вспыхивал в очаге. Студёный ветер неистовствовал за меховым пологом.

— Возможно, — на изможденном лице матери проступила усталая улыбка, — удача наконец-то повернулась к нам лицом.

Источник —

[https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Прядильщик_Судеб_/_Fatespinner_\(рассказ\)&oldid=4464](https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Прядильщик_Судеб_/_Fatespinner_(рассказ)&oldid=4464)

Эта страница в последний раз была отредактирована 1 октября 2019 в 22:45.